

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
22 October 2015
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 566/2013

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят пятой сессии
(27 июля – 14 августа 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	г-ном М.А. и г-жой М.Н. ¹ (представлены адвокатом Йоханом Лагерфельдом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата представления жалобы:</i>	12 ноября 2013 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	30 июля 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Российскую Федерацию
<i>Процедурные вопросы:</i>	нет
<i>Вопрос существа:</i>	опасность подвергнуться пыткам по возвращению в страну происхождения
<i>Статья Конвенции:</i>	3

¹ Заявители просили сохранить анонимность в окончательном решении Комитета.

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят пятая сессия)

относительно

Сообщения № 566/2013

<i>Представлено:</i>	г-ном М.А. и г-жой М.Н. (представлены адвокатом Йоханом Лагерфельдом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата представления жалобы:</i>	12 ноября 2013 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 30 июля 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 566/2013, представленной г-ном М.А. и г-жой М.Н., в соответствии со статьей 22 Конвенции,

приняв во внимание всю информацию, которая ему была представлена заявителями, их адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение:

Решение согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителями являются г-н М.А. и г-жа М.Н., оба российские граждане чеченского происхождения соответственно 1975 и 1976 года рождения. Они подают жалобу от своего имени и от имени своих четырех детей, родившихся в период между 2006 и 2013 годом. Их прошение о предоставлении убежища в Швеции было отклонено, и на момент представления жалобы они ожидали принудительной высылки в Российскую Федерацию. Они утверждают, что их депортация будет нарушать их права согласно статье 3 Конвенции против пыток. Заявители представлены адвокатом Йоханом Лагерфельдом.

1.2 14 ноября 2013 года, действуя в соответствии с пунктом 1 правила 114 своих правил процедуры, Комитет просил государство-участник воздержаться от высылки заявителей в Российскую Федерацию, пока их жалоба находится на рассмотрении Комитета.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявители утверждают, что в 1997 году г-жа М.Н. и ее бывший муж проживали в Чечне, Российская Федерация. Она утверждает, что ее тогдашний муж служил телохранителем бывшего президента самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии Аслана Масхадова. Российские военные в течение одной недели дважды являлись в ее дом в поисках документов, которые, по их словам, будут доказывать, что она хранила в своем доме тайный архив.

2.2 Заявители утверждают, что как-то в 1999 году г-н М.А. был арестован российскими силами безопасности и обвинен в сотрудничестве с повстанческим движением. В течение четырех или пяти дней он подвергался избиению, а затем был освобожден. Во время его содержания под стражей в его доме российскими военными властями был произведен обыск. После его освобождения его тетя сообщила ему, что пока он находился под стражей, его родители были убиты военнослужащими российской армии. Тогда он присоединился к повстанческому движению.

2.3 Заявители далее утверждают, что бывший муж г-жи М.Н. был убит в 2004 году. После его гибели она зарабатывала на жизнь, торгуя лекарствами. Именно в связи с этим ее обвинили в снабжении лекарствами мятежников. Дважды, в 2007 году и в сентябре 2008 года, она подверглась жестокому обращению со стороны российских военных властей. Она была беременной, и в результате пыток оба раза ее беременность закончилась выкидышем. В мае 2005 года во время «перестрелки» г-н М.А. был ранен, а двое его друзей убиты. Затем в течение некоторого времени он жил в Дагестане и у родственников в Чечне, прежде чем бежать в Швецию. 20 января 2009 года заявители прибыли в Швецию и обратились с прошением о предоставлении им убежища.

2.4 21 ноября 2009 года Миграционный совет отказал заявителям в предоставлении убежища и распорядился выслать их в Российскую Федерацию. Совет признал, что они являются чеченцами по происхождению, но посчитал, что ситуация в Чечне постоянно улучшается и что, следовательно, не все просители убежища из Чечни подлежат международной защите. Кроме того, Совет заявил, что в показаниях заявителей существуют значительные расхождения, вследствие которых их прошение является плохо обоснованным. Заявители обжаловали это решение в Миграционном суде.

2.5 По словам заявителей, г-жа М.Н. связалась со своим братом, который помог ей получить заверенный документ, касающийся ее ситуации в Чечне. Тем не менее он был арестован и убит российской полицией вскоре после того, как он отправил ей этот документ. Только его одежда и принадлежавшие ему вещи были возвращены семье, но не тело. Она с той же целью также связалась со своим двоюродным братом; он был убит в своем доме неизвестными налетчиками. После этого сестра г-жи М.Н. просила ее не связываться ни с ней, ни с кем бы то ни было из других родственников. Она также сообщила г-же М.Н., что ее родители лишились пенсии и что власти интересовались у них местонахождением заявителей. В то же время тетя г-на М.А. сообщила ему, что прокуратура выдала ордер на его арест. Его тетя умерла в январе 2011 года, и поэтому у него больше не осталось родственников в Чечне.

2.6 11 апреля 2011 года Миграционный суд отклонил апелляцию заявителей. Суд, поддержав аргументацию решения Миграционного совета, заявил, что свидетельства, представленные заявителями, не служат достаточным обоснованием их утверждения относительно опасности, которой они лично подвергнутся в случае их возвращения в страну происхождения. Поэтому он заключил, что

их опасения преследования не являются достаточно обоснованными и что нет оснований, для того чтобы предоставлять им вид на жительство, будь то в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в международной защите². Заявители подали ходатайство на предмет обжалования этого решения в Апелляционный суд по миграционным делам. 8 мая 2012 года Апелляционный суд по миграционным делам отказал в обжаловании, и решение Миграционного суда стало окончательным.

2.7 Как отмечают заявители, на момент подачи жалобы они не имели информации о том, когда может состояться их высылка. Однако, в виду того, что г-н М.А. был взят под стражу незадолго до подачи в Комитет настоящей жалобы, они опасаются, что высылка может состояться в самое ближайшее время.

Жалоба

3.1 Заявители считают, что в случае их высылки в Российскую Федерацию государство-участник нарушит свои обязательства по статье 3 Конвенции, поскольку существуют веские основания полагать, что им может грозить опасность подвергнуться пыткам и жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению³.

3.2 Заявители также утверждают, что они убедительно продемонстрировали, что являются жертвами практики систематического запугивания и преследования, которое уже привело к убийству нескольких членов их семей служащими российских правоохранительных органов. Поскольку ордера на их арест все еще находятся в силе, они полагают, что существует явная и реальная опасность для их жизни и благополучия. Их опасения подвергнуться преследованию и жестокому обращению в случае возвращения в Российскую Федерацию являются вполне обоснованными. Противоречивые заявления, сделанные во время собеседования со шведскими властями, можно отчасти объяснить тем, что они перенесли серьезную психическую травму в результате перипетий, через которые им пришлось пройти⁴, что не позволяет вспомнить подробности некоторых событий, и тем, что им не был предоставлен переводчик, знающий их родной язык, и они были вынуждены проходить собеседование на русском языке.

² Краткое изложение решения Миграционного суда в переводе на английский язык, представленное заявителями, не содержит каких-либо дополнительных подробностей.

³ Заявители представили временное руководство Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) по оценке потребностей в международной защите просителей убежища из Чечни, Российская Федерация, от 4 февраля 2011 года. В этом документе содержится напоминание о том, что в феврале 2003 года УВКБ заявило, что все чеченские просители убежища из Чечни нуждаются в международной защите. С тех пор ситуация изменилась в положительную сторону в связи с сокращением активности и масштабов военных действий, общим улучшением положения в плане безопасности и постепенным выводом федеральных войск из Чечни. Тем не менее по-прежнему продолжают поступать сообщения о проблемах в области прав человека, которые могут представлять опасность для личной безопасности или ущемлять права, в частности членов незаконных вооруженных формирований и их родственников, политических оппонентов федеральных или чеченских властей, правозащитников и лиц, которые занимали официальные посты в администрации бывшего президента самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Аслана Масхадова.

⁴ Г-н М.А. представил письменное заявление, в котором утверждает, что российские военнослужащие пытали его и поджигали ему спину и руки. Однако не ясно, были ли содержащаяся в этом заявлении информация или само это заявление доведены до сведения шведских властей.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 13 мая 2014 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. В ней освещаются факты по данному делу, а также приводятся выдержки из соответствующих внутренних законодательных актов. Государство-участник сообщает, что дело заявителей рассматривалось в соответствии с положениями Закона об иностранцах 2005 года, который вступил в силу 31 марта 2006 года. После изучения обстоятельств дела власти государства-участника пришли к выводу, что заявители не доказали, что нуждаются в защите.

4.2 Государство-участник отмечает, что 21 ноября 2009 года Миграционный совет отклонил ходатайство заявителей о предоставлении убежища и принял решение об их высылке в Российскую Федерацию. Это решение было обжаловано в Миграционном суде, который 11 марта 2011 года отклонил апелляцию. 30 мая 2011 года Апелляционный суд по миграционным делам отказался предоставить разрешение на подачу апелляции, и решение о высылке заявителей стало окончательным⁵. 14 февраля 2012 года заявители утверждали в Миграционном совете, что для исполнения этого решения существуют некоторые препятствия, и просили пересмотреть их дело. Совет отклонил эту просьбу 22 февраля 2012 года. Решение отклонить их просьбу было затем обжаловано в Миграционном суде, который 23 марта 2012 года отклонил их апелляцию. 8 мая 2012 года Апелляционный суд по миграционным делам отказал в разрешении на подачу апелляции.

4.3 По вопросу о приемлемости государство-участник отмечает, что данная жалоба основана на заявлении об аресте г-на М.А. чеченскими властями и физическом насилии над ним в 1999 году и на утверждениях г-жи М.Н., которая также заявляет о применении к ней физического насилия, но что эти утверждения являются «явно необоснованными» и поэтому неприемлемыми согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции и правилу 113 b) правил процедуры Комитета.

4.4 Касаясь вопроса существа сообщения, государство-участник отмечает, что Комитету надлежит определить, будут ли заявители лично подвергаться угрозе пыток в стране, в которую их возвращают. Из этого следует, что наличие в стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае его возвращения в эту страну. Государство-участник, ссылаясь на практику Комитета⁶, утверждает, что, для того чтобы эта опасность могла оцениваться как личная, должны существовать дополнительные основания.

4.5 Поэтому при рассмотрении данного дела государство-участник проанализировало общее положение дел в области прав человека в Российской Федерации и, в частности, степень личной опасности для заявителей подвергнуться пыткам в случае их возвращения в страну. Государство-участник отмечает, что бремя представления убедительных аргументов в подтверждение того, что им угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыт-

⁵ Данное решение касается только г-на М.А., г-жи М.Н. и двух из четырех их детей. Решение в отношении третьего ребенка стало окончательным 29 марта 2012 года, а в отношении четвертого ребенка – 8 июля 2013 года.

⁶ Государство-участник ссылается на сообщения № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, Соображения, принятые 11 мая 2001 года, пункт 6.3, и № 213/2002, *Э.Х.В.М. против Швеции*, Соображения, принятые 14 ноября 2003 года, пункт 8.3.

кам, лежит на заявителях⁷. Кроме того, при оценке степени риска применения пыток должны приниматься во внимание основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений, хотя при этом не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности.

4.6 Что касается текущего положения дел в области прав человека в Российской Федерации и, в частности, на Северном Кавказе, то государство-участник отмечает, что недавние доклады⁸ свидетельствуют о снижении общего уровня насилия в последние годы. Вместе с тем государство-участник не недооценивает проблемы, касающиеся положения в области прав человека, поскольку в последних докладах по-прежнему содержится информация о нарушениях прав человека, совершаемых в отношении гражданского населения в виде произвольных задержаний, похищений, пыток и внесудебных казней.

4.7 Государство-участник отмечает, что несколько положений Закона об иностранцах отражают те принципы, которые закреплены в статье 3 Конвенции, и, таким образом, при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища власти Швеции оценивают опасность применения пыток на основании тех же критериев, что и Комитет. В соответствии с разделами 1–3 главы 12 Закона об иностранцах просители убежища не могут быть возвращены в страну, если имеются разумные основания полагать, что там им будет грозить смертная казнь, телесные наказания, пытки или иные унижающие достоинство виды обращения и наказания.

4.8 Государство-участник также отмечает, что национальные органы имеют все возможности для оценки как представляемой просителями убежища информации, так и достоверности их заявлений. В рамках данного дела Миграционный совет и Миграционный суд провели тщательное рассмотрение представленных им материалов. В связи с первоначальным ходатайством о предоставлении убежища собеседование, проведенное Миграционным советом, продолжалось приблизительно 2 ч. 15 м. Беседа проходила в присутствии адвоката и переводчика. В одном случае Миграционный совет смог вновь проанализировать «новые обстоятельства», на которые ссылался один из заявителей (см. пункт 4.2).

4.9 Государство-участник ссылается на принятое Комитетом замечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, а также на его практику, согласно которой Комитет должен в значительной степени опираться на выводы по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника⁹. Миграционный совет и Миграционный суд являются специализированными органами, обладающими обширными экспертными знаниями в области права и практики в сфере предоставления убежища. Поэтому нет никаких оснований заключать, что рассмотрение данного дела,

⁷ Государство-участник ссылается, в частности, на сообщение № 178/2001, *X.O. против Швеции*, решение, принятое 13 ноября 2001 года, пункт 13.

⁸ Приводятся ссылки на следующие доклады: Государственный департамент Соединенных Штатов Америки, «Country Reports on Human Rights Practices for 2013: Russia»; организация «Международная амнистия», «Amnesty International Annual Report: Russian Federation» (2013 год); «Хьюман райтс уотч», «World Report 2014: Russia»; Миграционный совет Швеции, справочные сведения о Российской Федерации «Country Profile: Russia», 25 февраля 2011 года; и доклады Министерства иностранных дел Швеции за 2011 год, Информационного центра по вопросам стран происхождения беженцев Норвегии за 2013 год, и Датского совета по делам беженцев.

⁹ Государство-участник ссылается на сообщение № 277/2005, *H.З.С. против Швеции*, решение, принятое 22 ноября 2006 года, пункт 8.6.

проведенное национальными органами, было ненадлежащим или что его результат был произвольным или сводился к отказу в правосудии.

4.10 Государство-участник отмечает, что оно смогло выявить несколько несоответствий, касающихся фактов, на которые ссылались заявители. В ходе собеседования в Миграционном совете г-н М.А. заявил, что он и г-жа М.Н. проживали у его тети до декабря 2005 года или января 2006 года. Однако г-жа М.Н. заявила, что они проживали там только до октября 2005 года. Заявители уверяют, что такое несоответствие стало результатом неправильного перевода. Кроме того, г-н М.А. заявил, что военные, когда они однажды явились к нему, вообще не входили в дом, тогда как г-жа М.Н. заявила, что они вошли в дом и произвели обыск.

4.11 Г-н М.А. также утверждал, что он дважды подвергался аресту, в 1999 и 2003 годах. В 1999 году в окрестностях его деревни был взорван бронетранспортер, и в этом были обвинены жители деревни. В 2003 году г-н М.А. был арестован, и ему предложили подписать заявление с признанием своей ответственности за эту атаку 1999 года. Государство-участник считает такое объяснение неправдоподобным. Г-н М.А. заявил в Миграционном совете, что в 2003 году он совершил побег из-под стражи, тогда как в его нынешней жалобе, поданной в Комитет, он сообщает, что был освобожден.

4.12 Что касается повесток от чеченских властей, то государство-участник отмечает, что г-н М.А. вызывался в качестве свидетеля. Миграционный совет счел такой документ слишком простым и поэтому имеющим незначительную доказательную силу. Кроме того, г-н М.А. заявил, что в период с 2005 по 2009 год у него не было контактов с чеченскими властями. По мнению государства-участника, маловероятно, что в течение четырех лет он не представлял для властей никакого интереса, если он находился под подозрением как член повстанческого движения.

4.13 Государство-участник далее считает утверждения г-жи М.Н. о том, что она дважды, в 2007 и 2008 годах, подверглась российскими военными физическому насилию, не вызывающими доверия. Г-жа М.Н. обвинялась в хранении «тайного архива» документов ее бывшего мужа, служившего телохранителем г-на Масхадова. Российские военные вторглись в ее дом в поисках этих документов в 1997 году, и государство-участник считает маловероятным, чтобы в 2008 году эти документы представляли интерес для российских властей. Г-жа М.Н. также сообщила, что в 2004 и 2005 годах она продавала лекарства повстанцам. Государство-участник считает странным, что ее обвинили в этом только в 2008 году.

4.14 После того как решение о высылке заявителей стало окончательным, заявители сообщили в Миграционном совете о том, что у них есть новые доказательства, имеющие отношение к их делу о предоставлении убежища. Они представили свидетельство, выданное правозащитной неправительственной организацией «Мемориал», которое якобы переслал им из Чечни брат г-жи М.Н. Г-жа М.Н. далее заявила, что после того, как ее брат связался с «Мемориалом», чтобы получить этот документ, он был арестован и убит полицией. Вскоре после этого двоюродный брат г-жи М.Н., с которым она также связалась с этой целью, был также убит. Государство-участник отмечает, что заявители не сообщили имена и фамилии этих родственников, и никаких доказательств в подтверждение этих заявлений представлено не было.

4.15 Исходя из этого, государство-участник считает, что заявители не смогли доказать, что они удовлетворяют требованиям, согласно которым опасность подвергнуться пыткам в данном деле является предсказуемой, реальной и грозит лично им.

Комментарии заявителей к замечаниям государства-участника

5.1 В ответе на замечания государства-участника, представленном 18 августа 2014 года, заявители отмечают, что положение в области прав человека в Чечне значительно отличается от того, как его оценивает государство-участник. Они ссылаются на тот же доклад Министерства иностранных дел Швеции, имеющийся только на шведском языке, на который сослалось государство-участник. Согласно этому докладу, в российских государственных органах широко распространена коррупция, а правозащитники, журналисты и разоблачители подвергаются преследованиям и насилию, иногда со смертельным исходом. Согласно этому докладу, наиболее серьезные нарушения по-прежнему происходят на Северном Кавказе, где под предлогом борьбы с терроризмом гражданское население подвергается пыткам, произвольным арестам и похищениям.

5.2 Заявители также ссылаются на «неподтвержденные сообщения о политических убийствах и исчезновениях», санкционируемых властями. Эти факты наглядно свидетельствуют о существовании постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Согласно заявлениям ряда организаций, в Чечне царит «атмосфера террора и всеобщего страха». Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека Нави Пиллэй призвала к привлечению к ответственности виновных в убийствах, запугиваниях и преследованиях.

5.3 Заявители отмечают, что, хотя Миграционный совет и Миграционный суд имеют все возможности для оценки сведений, представленных просителями убежища, они не располагают информацией из первых рук о ситуации в странах их происхождения, что особенно заметно в данном случае. Хотя г-н М.А. проходил собеседование на чеченском языке через переводчика, собеседование с г-жой М.Н. проводилось на русском языке, что само по себе может рассматриваться как отказ в правосудии.

5.4 Что касается несоответствий в показаниях, то заявители считают, что они не являются признаком «низкой достоверности» показаний. Напротив, безобидный рассказ может служить признаком выученного наизусть. Кроме того, такие несоответствия можно объяснить синдромом посттравматического расстройства, который может приводить к дисфункции памяти. Заявители далее утверждают, что государство-участник должно было направить их к судебно-медицинскому эксперту для подтверждения травм, нанесенных заявителям во время пыток. Принятие мер в порядке проверки достоверности показаний о применении пыток является обязанностью государства-участника¹⁰.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 18 июня 2015 года государство-участник, отвечая на комментарии адвоката заявителей от 18 августа 2014 года, вновь изложило свою позицию, согласно которой, не желая недооценивать нынешнее положение дел в области прав человека в Российской Федерации и особенно в районе Северного Кавказа, оно в то же время считает, что такое положение само по себе не предопределяет

¹⁰ Заявители ссылаются на постановление Европейского суда по правам человека по делу *Р.С. против Швеции*, жалоба № 41827/07.

нарушение статьи 3 Конвенции. Возвращение заявителей в Российскую Федерацию являлось бы таким нарушением в том случае, если бы они смогли доказать, что опасность подвергнуться обращению, идущему вразрез со статьей 3, грозит лично им.

6.2 Государство-участник далее отмечает, что на протяжении всех разбирательств заявители были представлены адвокатом. Миграционный суд в ходе разбирательства по вопросу о предоставлении заявителям убежища принял во внимание все относящиеся к делу обстоятельства. Хотя изначально бремя доказывания лежит на заявителе, Суд должен прояснить неясности, задавая дополнительные вопросы.

6.3 Что касается утверждения заявителей о том, что миграционные органы государства-участника обязаны были дополнительно проверить, подвергались ли заявители пыткам, государство-участник отмечает, что обязанность приводить доказательства в обоснование утверждения заявителей об опасности подвергнуться обращению, идущему вразрез со статьей 3 Конвенции, лежит на самих заявителях. Когда такие доказательства приводятся, государству-участнику надлежит развеять любые сомнения, касающиеся таких доказательств. Государство-участник вновь отмечает, что есть все основания сомневаться в правдивости утверждений заявителей. Поэтому государство-участник считает, что миграционные органы не были обязаны дополнительно рассматривать вопрос о том, подвергались ли заявители пыткам в прошлом.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. Руководствуясь пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

7.2 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 5 б) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никакие сообщения от отдельного лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник признало, что заявители исчерпали все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Следовательно, Комитет не видит дополнительных препятствий для признания сообщения приемлемым; он объявляет его приемлемым и приступает, в том, что касается утверждения заявителей со ссылкой на статью 3 Конвенции, к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему соответствующими сторонами.

8.2 Комитет должен определить, будет ли депортация заявителей в Российскую Федерацию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Комитет напоминает, что наличие практики

грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не дает серьезных оснований полагать, что по возвращению в эту страну данному лицу будет угрожать опасность применения пыток¹¹. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам.

8.3 Ссылаясь на свое замечание общего порядка № 1 (1997), Комитет подтверждает, что при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Однако при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, а опасность подвергнуться пыткам должна являться личной, предсказуемой и реальной¹².

8.4 Комитет принимает во внимание утверждение заявителей о том, что в период с 1998 по 2008 год они подвергались аресту и пыткам. Комитет также отмечает, что, по мнению заявителей, ни Миграционный совет, ни Миграционный суд не приняли во внимание эту информацию.

8.5 Комитет далее отмечает, что даже если соглашаться с утверждением заявителей о том, что они подвергались пыткам и/или жестокому обращению в прошлом, вопрос заключается в том, угрожает ли им по-прежнему опасность применения пыток в Российской Федерации в настоящее время. Комитет отмечает, что нынешнее положение в области прав человека в Российской Федерации, в частности на Северном Кавказе, по-прежнему вызывает озабоченность по ряду аспектов. Комитет напоминает о том, что в своих заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу Российской Федерации в 2012 году он выразил свою обеспокоенность по поводу многочисленных, непрекращающихся и согласующихся между собой сообщений о серьезных нарушениях на Северном Кавказе, в частности в Чеченской Республике, прав человека государственными должностными или иными лицами, выступающими в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия, в том числе сообщений о пытках и жестоком обращении, похищении людей, насильственных исчезновениях и внесудебных казнях¹³.

8.6 Комитет отмечает, что государство-участник обратило внимание на несоответствия и противоречия в показаниях заявителей и в представленных ими документах, которые бросают тень сомнения на их общую достоверность и правдивость утверждений заявителей. В частности, заявители утверждали, что их родственники подверглись аресту и были убиты правоохранительными органами, но не привели никаких имен или иных свидетельств или подробностей, касающихся этих утверждений. Комитет далее отмечает утверждение заявителей о том, что они неоднократно подвергались аресту и физическому насилию. Несмотря на это, они приводят очень мало или вообще не приводят информации о том, в чем заключались предполагаемые пытки со стороны служащих правоохранительных органов. И в общем плане, заявители не сообщили ни точных дат этих событий, ни точных данных о местах, где они происходили.

¹¹ См. сообщение № 428/2010, *Калиниченко против Марокко*, решение, принятое 25 ноября 2011 года, пункт 15.3.

¹² См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, решение, принятое 14 ноября 2003 года, и № 258/2004, *Дадар против Канады*, решение, принятое 23 ноября 2005 года.

¹³ См. заключительные замечания по пятому периодическому докладу Российской Федерации, принятые Комитетом на его сорок девятой сессии (CAT/C/RUS/CO/5), пункт 13.

8.7 Комитет далее отмечает, что заявители просто сообщили Миграционному совету и Миграционному суду, что опасаются подвергнуться пыткам в случае возвращения в Российскую Федерацию, утверждая, что они подвергались пыткам в прошлом и станут их жертвой снова. Комитет, однако, отмечает, что заявители не приводят никаких доказательств, указывающих на то, что в случае их возвращения они будут преследоваться российскими властями. Комитет напоминает, что в своем замечании общего порядка № 1 он заявил, что будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника. Комитет считает, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела нет оснований ставить под сомнение оценку государством-участником всех доказательств, представленных заявителями.

8.8 Комитет ссылается на свою практику, согласно которой при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений, и указывает на то, что, как правило, бремя аргументированного изложения дела лежит на авторе¹⁴. В этом отношении наряду с отсутствием информации о предполагаемых случаях пыток Комитет принимает во внимание несоответствия, отмеченные выше в пунктах 4.10 и 4.11. В свете вышеизложенных соображений и всей представленной заявителями информации, в том числе об общем положении дел в области прав человека в Российской Федерации, Комитет приходит к заключению, что заявители не представили достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае их высылки в страну происхождения они подвергнутся предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции.

9. Таким образом, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет делает вывод о том, что высылка заявителей в Российскую Федерацию не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

¹⁴ См. сообщения № 298/2006, *К. А. Р. М. и др. против Канады*, решение, принятое 18 мая 2007 года, пункт 8.10; № 256/2004, *М. З. против Швеции*, решение, принятое 12 мая 2006 года, пункт 9.3; № 214/2002, *М.А. К. против Германии*, решение, принятое 12 мая 2004 года, пункт 13.5; № 150/1999, *С. Л. против Швеции*, пункт 6.3; и № 347/2008, *Н. Б.-М. против Швейцарии*, решение, принятое 14 ноября 2011 года, пункт 9.9.